

В диссертационный совет
72.2.007.10 на базе ГАОУ ВО МГПУ

«Утверждаю»

Ректор Федерального государственного
автономного образовательного учреждения
высшего образования «Пермский
государственный национальный
исследовательский университет»,
кандидат социологических наук, доцент
Германов Игорь Анатольевич

Игорь Анатольевич Германов

« 03 » 2026 г.

Отзыв ведущей организации

Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» о диссертации **Кузьмина Ильи Андреевича** «Мир Востока в прозе Лоуренса Аравийского», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. – Литературы народов мира (филологические науки)

Диссертационное исследование И.А.Кузьмина посвящено идейно-художественному изучению мемуаров известного в истории XX века путешественника, арабиста, литератора, политического деятеля и одновременно профессионального разведчика Томаса Эдварда Лоуренса, вошедшего в историю британской разведки, журналистики и литературы под именем Лоуренса Аравийского.

Актуальность предложенной работы связана главным образом с необходимостью представления более целостной, нежели сейчас существует в отечественной англистике, картины британской литературы двадцатых годов двадцатого века. *Научную значимость* диссертации

подчеркивает анализ книги Лоуренса Аравийского «Семь столпов мудрости» с точки зрения своеобразия британского колониального дискурса первой половины XX века, его содержательного и формального многообразия.

Научную новизну диссертационного исследования определяет сам материал: книга Т.Э.Лоуренса «Семь столпов мудрости» еще не подвергалась основательному контекстуальному, проблемно-тематическому и структурно-художественному анализу.

В диссертационной работе применяется комплексная методология, состоящая из культурно-исторического, социо-антропологического, историко-литературного и теоретико-литературного подходов. Правда, почему-то автор не указал два последних подхода, которые, по сути, являются ядерными для исследования и к которым автор, особенно в кульминационной третьей главе, посвященной доказательному литературоведческому раскрытию вынесенных на защиту положений, обращается вполне плодотворно. Состоявшийся в диссертации весьма целостный разговор о книге военных мемуаров Т.Э.Лоуренса показал плодотворность избранного методологического ракурса и говорит о достаточной степени *научной достоверности* проведенного в работе исследования сложного по своей эстетической и жанровой природе произведения.

Структура работы подчинена достижению **цели** диссертации – изучение особенностей репрезентации мира арабского Востока в книге Лоуренса – и сформулированным в связи с нею девяти разнообразным по областям гуманитарного знания **задачам**.

Диссертация состоит из **Введения, трех глав, Заключения и Списка литературы**. В последнем обозначены основные исторические, политологические, историко-литературные и теоретико-литературные источники, на которые опирался диссертант в исследовании идейно-

художественных особенностей книги Т.Лоуренса (Аравийского) «Семь столпов мудрости», ее места в истории литературного осмысления арабского Востока в британской литературе и национального колониального дискурса в целом. Список насчитывает 172 наименования, 41 из которых – на английском и французском языках, и содержит многообразные и многоаспектные по своей научной направленности работы, существенно фундирующие исследование диссертанта.

Во **Введении** обозначена актуальность работы, определены материал, объект и предмет, сформулированы цель исследования и задачи для ее достижения, указана практическая и теоретическая значимость предпринимаемого исследования, обозначены основные положения, выносимые на защиту, обоснована методологии исследования. Не можем критически не посетовать, однако, что диссертант, на наш взгляд, не совсем корректно обозначил предмет своего анализа: он исследует не сам *мир* арабского Востока, отраженный в книге Лоуренса, а идейно-художественное *своеобразие* репрезентации этого мира в мемуарах Лоуренса Аравийского; да и формулировка ряда задач, например, со 2-й по 5-ю, требует редакторского уточнения.

Первая глава этого монографического исследования закономерно носит название «Историко-биографическая основа книги Лоуренса Аравийского “Семь столпов мудрости”»: Она включает в себя четыре раздела и посвящена культурно-историческому, географо-антропологическому и историко-литературному, в том числе и жанрологическому, контекстам книги военных мемуаров Т.Э.Лоуренса.

В **первом разделе** «Миф о Лоуренсе в культурном пространстве Англии: основные вехи жизненного и творческого пути» автор диссертации погружается не столько в биографию Лоуренса, сколько размышляет о своего рода предопределенности связи будущего мемуариста с ближневосточной политикой и судьбою арабов Аравийского

полуострова, детерминированной во многом его убежденностью в первичности свободы человека в ее англо-саксонской трактовке, его известным идеализмом относительно демократии и британского миропонимания, неуёмным энтузиазмом первооткрывателя и любознательностью ученого и исследователя арабского Востока.

Во *втором разделе* «Книга “Семь столпов мудрости” Лоуренса Аравийского и Арабское восстание (1916–1918) как ее историческая основа» И.А.Кузьмин, опираясь на ряд основательных исследований отечественных и зарубежных историков погружается в историко-политические предпосылки, генезис идеологии и собственно протекание арабского восстания 1916 – 1918 гг. как неотъемлемой составляющей событий Первой мировой войны. Диссертант демонстрирует связь книги мемуаров Лоуренса, ее содержания, а главное - основных ее нравственных посылов и акцентов, всего пафоса книги с идеологией восстания и движения аравийских арабов за независимость от турецкого владычества, а также с внутренней дихотомией у мемуариста его имперской британскости и глубоко в нем «поселившейся» аравийскости, повышенной эмоционально-психологической увлеченности образом жизни и мысли арабов Ближнего Востока. А это напрямую и весьма развернуто доказывает третье Положение диссертации, вынесенное на защиту, подчеркивающее принципиальное отличие Лоуренса от традиции британского цивилизационного дискурса принижать чужую культуру (с.10 диссертации), акцентирующее пафос его «самоабвенного служения свободе» (с.24). В этом исследователь справедливо видит истоки мифа о Лоуренсе Аравийском, а также – «в искренности перед читателем, убедительном проявлении мужества, способности выполнять несколько ролей одновременно» (с.24), в его сильном эмоциональном воздействии на читателя, в максимальном сокращении дистанции между собою как рассказчиком и читателем, что способствовало мифологизации образа

Лоуренса Аравийского как «главного исторического лица Арабского восстания», как «единственного британца, ставшего своим среди восточных чужеземцев» (с.25 диссертации).

В *третьем разделе* «Специфика и литературная традиция жанра военных мемуаров: книга “Семь столпов мудрости” в контексте истории жанра» диссертант размышляет о жанре беллетризованных мемуаров, к которому он относит книгу Лоуренса. А потому справедливо говорит о соотношении документального, биографического, автобиографического и художественного в книге Лоуренса, отталкиваясь от размышлений своих зарубежных предшественников, например, Ч.Хилла, называвшего «Семь столпов мудрости» «романом, путешествующим под прикрытием автобиографии» (с.36), и соглашаясь с ними и по мере возможностей развивая их идеи в том, что романическое в книге - это прежде всего образ самого мемуариста, «живое и непосредственное выражение личности» автора мемуаров (с.38). Представляется, что в этой части работы есть немало ценных рассуждений о специфике мемуаров вообще, о беллетризованных мемуарах в частности; автор делает их на основе знакомства с рядом теоретических работ о жанре, например, А.Г.Тартаковского, Ю.Н.Мажариной и др. Однако не может не вызвать сожаления отсутствие в диссертации обращения к одному из самых, на наш взгляд, фундаментальных трудов по жанру мемуаров, а в большей степени – по синтезу мемуарного, биографического, автобиографического и художественного, романного, в том числе психологического, – к книге Л.Я.Гинзбург «О психологической прозе», в которой есть отдельный раздел «Мемуары». Уверены, идеи Л.Я.Гинзбург помогли бы диссертанту увидеть какие-нибудь новые и иные моменты в анализируемой книге Лоуренса.

Нельзя не согласиться с автором диссертации в том, что книга Лоуренса может быть отнесена к жанру военных мемуаров, поскольку

батальная линия - ядерная в сюжете. В этом отношении принципиально важны его рассуждения о специфике этой разновидности мемуаров с опорой не столько на теорию (работа Ю.Н.Харари), сколько на практику и историю подобных мемуаров. Потому обращение к Ксенофону и Гаю Юлию Цезарю, равно как и к средневековым мемуаристам, участникам Крестовых походов, органичны в этой части диссертации. Правда, это обращение состоялось, так сказать, не напрямую, а через труды других ученых. Поэтому в этой части работы преобладает не эвристический, а реферативный акцент. Этот акцент весьма удачно сказался на той части раздела, которая посвящена особенностям военных мемуаров. Опираясь на труды своих предшественников – Д.Л.Медведева, И.Н.Вострилова, А.С.Лебедевой, Г.Е.Гюбиевой и др. – диссертант выстраивает убедительную типологию военных мемуаров, обозначая их отличие от так называемых гражданских мемуаров. Эта часть первой главы представляется весьма удачной, в том числе и с точки зрения доказательного вписывания книги Лоуренса в эту типологию. Можно было бы, конечно, больше внимания уделить военным мемуарам участников именно Первой мировой войны, прежде всего британским. Автор привлекает мемуары У.Черчиля и делает это хорошо, однако, уверены, можно было бы найти и сопоставить мемуары и других современников Лоуренса Аравийского. Например, маршала Ф.Фоша, главнокомандующего франко-английскими войсками на Западном фронте в Первой мировой войне. Это существенно оттенило бы и содержательное, и формальное своеобразие книги Лоуренса. Теоретическую и типологическую составляющую суждений о жанре военных мемуаров, наверное, усилило бы обращение - хотя бы отсылочное - к подобным явлениям в российской мемуаристике.

Четвертый раздел первой главы «Тема арабского Востока в европейской и английской литературе» по глубине и доказательности

уступает предшествующим своей описательностью и не столь проявленной проблемной структурированностью. В разделе с акцентом на литературе, что заявлено уже в заглавии, явно не хватает собственно литературы. Выстраивая в целом уже известную в истории западноевропейской литературы траекторию словесно-образного осмысления Востока (да и самого художественного концепта «Восток»), обозначая динамику отношения к Востоку в западном менталитете в целом и в литературе в частности, в которых органично сосуществуют интерес, неприязнь, боязнь, отторжение, принятие и приятие, снобизм, расовость, враждебность, восхищение, братственность, колониальность, имперскость и т.д. и т.п., диссертант как-то обходится без текстов художественных произведений, ограничиваясь их названиями, без цитат и рефлексий над некоторыми весьма важными, веховыми, произведениями, особенно - из английской литературы. Раздел представляет собой растянутый, проблемно не заостренный пересказ некоторых общих мест из истории европейско-восточного литературного диалога. Это представляется особенно мало продуктивным по отношению к проблеме концепта и образа Востока в английской литературе, в ней, как известно, особо остро звучавших и звучащих (нельзя не иметь в виду органичную для английской литературы с глубочайшей историей имперского колониализма современную ее пост-колониальность, что кстати делает анализируемую диссертацию еще более актуальной), поскольку одна из задач, которую, на наш взгляд, призвана решить эта диссертация, – обозначить место книги Лоуренса Аравийского в английской (британской) литературной традиции осмысления Востока и ситуации «западный человек на Востоке». Нам не понятен исследовательский пафос настолько объемного четвертого раздела первой главы: 25 страниц; при этом, заметим, на анализ поэтики книги Лоуренса в третьей, на наш взгляд, самой концептуальной и лучшей в работе, главе и ее четырем разделам

отведено всего лишь в два раза больше места. Неужели весь этот затянутый реферат истории воплощения темы и образа Востока в английской литературе делается только ради двух с половиной строчек на с.77, где провозглашается короткий вывод (оставим в стороне стилистическое несовершенство фразы): «Таким образом, Лоуренс при изображении арабов лишен как колониального высокомерия, так и далек от нереалистичных и сказочных представлений об арабском Востоке» (с.77). Тем более, что в таком подходе в 1920-е гг. он был не одинок: достаточно вспомнить роман 1924 г. «Поездка в Индию» Э.М.Форстера и его антиколониальный пафос. Чем не повод поразмышлять об этом сходстве и несходстве одновременно и прочертить векторы британского литературного процесса 1920-х гг. в том числе, которые, на наш взгляд, недостаточно проявлены в работе? Уверены, можно было более концептуально подойти к проблеме, заявленной в четвертом разделе.

Вторая глава диссертации «Концепция арабского Востока в книге Лоуренса Аравийского “Семь столпов мудрости”» с ее тремя разделами – это обращение уже непосредственно к тексту книги Лоуренса Аравийского, на этом этапе исследования – к содержательному ее аспекту. При этом с досадой, которая понятным образом усиливается при чтении третьей, поэтологической по своему исследовательскому пафосу, главы диссертации, подчеркнем, что И.А.Кузьмин работает только с переводом книги, практически не обращаясь к тексту анализируемых мемуаров Т.Э.Лоуренса на английском языке, даже тогда, когда пишет – в третьей главе – о стиле и образности языка Лоуренса Аравийского.

В *первом разделе анализируемой книги* «Ландшафт арабского Востока и его влияние на национальный характер в авторской трактовке Лоуренса Аравийского» весьма плодотворно срабатывает географо-антропологический подход диссертанта к анализу ментальности аравийских арабов в лоуренсовской трактовке и ее зависимости от

ландшафта, хотя понятие «ландшафт» несколько ограничивает то, что исследует диссертант; ведь не случайно автор здесь кратко обращается к методологическим размышлениям одного из основоположников культурно-исторической школы в искусствоведении и литературоведении И.Тэна и к его «расе, среде и моменту». Пустыня в интерпретации Лоуренса, опиравшегося на концепцию природного детерминизма, - больше, чем ландшафт. Диссертант справедливо делает на этом исследовательский акцент, вслед за Лоуренсом ставя пустыню впереди религии и опираясь на рассуждения мемуариста о своеобразии арабо-аравийской ментальности и системы ценностей становящейся нации. Пустыня для Лоуренса – это место рождения пророков и генезиса тех пророческих учений, которые на протяжении веков формировали национальный характер арабов Аравии (см.с. 80), а также их смирения, аскетизма и фанатизма, ибо, как полагал Лоуренс, суровая природа и ситуация постоянной борьбы за выживание приучала арабов к смирению и лишала критического восприятия действительности. «Их сила была силой людей географически лишённых соблазна», – писал Лоуренс (цит. по с. 82 диссертации). Мемуарист, по справедливому замечанию исследователя, в восприятии арабов Аравии, в их поступках, в оценке их аксиологии и нравственности многое связывает с их упрощённым, черно-белым видением мира (см. с. 84 диссертации), с их кочевничеством и коллективистским характером существования и с отсутствием в мировоззрении аравийцев «индивидуализма, присущего европейскому человеку» (с.85). Именно поэтому, по И.А.Кузьмину, образ пустыни в книге Лоуренса имеет «художественную, историческую и культурологическую функции» и не выступает только повествовательным фоном (с.89).

Во *втором разделе* «Национальные традиции арабских племен в мемуарах “Семь столпов мудрости”» автор диссертации анализирует

лоуренсовское воспроизведение аравийского, по большей части бедуинского, образа жизни с акцентом на роли традиций - культурных, поведенческих, нравственных, бытовых. Интересными и подчёркивающими своеобразие трактовки мемуаристом Арабского восстания 1916 – 1918 гг. являются размышления диссертанта в *третьем разделе* этой главы «Лоуренс аравийский о проявлениях арабской ментальности в условиях военных действий», в котором И.А.Кузьмин, погружаясь в текст книги Лоуренса, демонстрирует непредвзятый взгляд военного мемуариста на синтез (вслед за мемуаристом диссертант использует термин «парадокс» – с.94) разнообразных и разнородных проявлений национального менталитета и его роль в ведении аравийскими арабами военных действий против регулярных турецких войск. Особый акцент диссертант справедливо делает на оценке Лоуренсом того факта, что накануне и во время восстания, воспринимаемого и подаваемого Лоуренсом как «своего рода героический эпос» (с.112), начинается самоопределение аравийских арабов как отдельной нации, появляется «сознательный патриотизм» (с.111), что привело к выделению понятий «араб» и «арабизм» из понятия «мусульманство» и «мусульманин». Автор диссертации справедливо подтверждает размышления Лоуренса на этот счет исследованиями профессиональных ученых-арабистов. Однако, на наш взгляд, И.А.Кузьмин настолько увлекается погружением в работы такого рода, равно как и в собственно антропологические, политологические и культурологические рассуждения, что порою в них теряется сам текст мемуаров как объект *филологического* исследования, остаются не раскрытыми в желаемом масштабе для литературоведческой работы собственно *художественные принципы* и особенности лоуренсовского *художественного воспроизведения* его позиций и акцентов как «работы» его мемуарной памяти.

Вот почему с особым интересом читается *Третья глава* диссертации, в четырех разделах которой книга мемуаров Т.Э.Лоуренса концентрированно анализируется именно в филологическом, литературоведческом ракурсе.

В *первом разделе* третьей главы, озаглавленном «Образ автора-повествователя в книге “Семь столпов мудрости”», диссертант анализирует образ Лоуренса как явление целостное, но многогранное, своеобразно синтезирующее автобиографичность и мифологичность, британскость и арабскость, художника и историка, художника (писателя) и антрополога и политика, офицера британской разведки и бойца-бедуина. И.А.Кузьмин подчеркивает, что автор мемуаров по ходу повествования «не разделяет себя на роли», особо акцентируя то обстоятельство, что Лоуренсу «приходилось по сути проживать две различные жизни» (с.119) - британца и араба. Думается, что одним из положительных моментов этого раздела третьей главы становится анализ диалектики субъективного и объективного в образе автора книги мемуаров, и здесь органично смотрится погружение в теорию мемуаристики, предпринятое диссертантом в начале раздела. Вместе с тем вновь нельзя не пожалеть, что глубокие размышления Л.Я.Гинзбург о специфике личного, временного и надвременного в мемуарах и об особой психологичности жанра «прошли мимо» диссертанта.

Одним из концептуальных наблюдений автора диссертации становится анализ содержательно-стилистического повествовательного «мы» в книге мемуаров, то наполняемого арабской составляющей, то – британской (И.А.Кузьмин называет это «дуалистичностью образа автора»). Лоуренс, по наблюдению диссертанта, в основу этого наполнения кладет «активное, всепоглощающее, жертвенное стремление к свободе» (с.121), столь характеризующее личностную позицию мемуариста и отмечаемую им как основу идеологии восстания аравийских арабов 1916 - 1918 гг.

Мифологизация и романтизация образа самого Лоуренса основывается на этой метафизике свободы, равно как и романтизация самим Лоуренсом (автором мемуаров) восстания и его вождей. Привлекают размышления И.А.Кузьмина (с обращением к некоторым важным сюжетным поворотам книги) о своеобразии гуманизма Лоуренса и о преломлении этого гуманизма в образе мемуариста - хроникера, летописца, человека, воина и командира одновременно. Очень интересным по замыслу является *второй раздел* третьей главы «Семантика заглавия книги “Семь столпов мудрости”», где, думается, филологичность диссертанта должна была проявиться особенно явно, в том числе и тогда, когда он сравнивает «восточность» раннего и конечного вариантов книги и идейно-художественные приращения, состоявшиеся в финальной версии книги мемуаров, когда анализируются способы художественного соотнесения понятия «мудрость» с народными образами, природными зарисовками едва ли не библейского характера, с символической нумерологией (как библейской, так и античной). И все же не можем не сделать замечание, что автор диссертации излишне скуп на работу непосредственно с текстом мемуаров, с его языковой образностью в этом разделе.

В двух следующих разделах – *третьем* «Мастерство создания портретной характеристики персонажей» и *четвертом* «Поэтика и функции пейзажа в книге “Семь столпов мудрости”» – это сожаление компенсируется более щедрой на филологичность работой диссертанта с текстом книги как таковым, с ее языком, стилем автора, особенностями его словесной образности, но, к сожалению, только в переводе. Убеждает подтвержденный погружением в текст разговор о двух типах литературных портретов, созданных Лоуренсом в его книге (с.134 и далее), а также разговор о разной «комбинаторности», плотности и тщательности портретирования мемуариста в зависимости от идейно-художественной заданности того или иного персонажа в сюжете (концепция так

называемого «деконцентрированного портрета» – с.135, а также диалектики типизации и индивидуализации в искусстве портретирования – с. 147). Безусловно, привлекает разговор о портрете и образе лидера восстания принца Фейсала (с.137-140), по ходу которого диссертант филологически уверенно работает с текстом мемуаров. Не менее убедителен анализ нарисованных Лоуренсом портретов и образов братьев Фейсала и некоторых его соратников (Мавлюд эль Махлюс, Ауда или шериф Насир, например). При этом не можем не отметить того, что диссертант всегда помнит: Лоуренс-мемуарист рассказывает о *восстании* как *кульминации* событий, отрефлексированных в книге, а потому роль каждого аравийца, портретно приближенного Лоуренсом к читателю, в деле борьбы арабов за свободу и независимость - это некий общий знаменатель как проблемно-тематического, так и структурно-художественного анализа.

Думается, что завершение диссертантом анализа книги Лоуренса Аравийского филологически доказательной демонстрацией его мастерства как пейзажиста в четвертом разделе третьей главы весьма логично, поскольку образ пустыни проходит через все части и «слои» книги, он важен при разговоре о всяком повороте событий и о любом персонаже, ставших предметом рефлексии мемуариста. Примечательно, что в четвертом разделе уже подчеркивается не столько враждебность и опасность пустыни, ее «испытательный» характер для стойкости человека, сколько красота и величие ее (и гор на севере Аравии) (с.152, 154, 155-156) как символа величия борьбы за свободу, которую вели арабы, и гордость Лоуренса, что он участвовал в этой борьбе. Трудно не согласиться с И.А.Кузьминым в том, что мемуары Лоуренса «выходят за рамки своего жанра» (с.152), рисуя по сути эпос революции, пусть идеализированной и мифологизированной, что является частым явлением в мемуарах, а сам Лоуренс выступает очень неплохим художником слова (с. 160 - 164).

В *Заключении* диссертации, хорошо и продуманно структурированном, сделаны развернутые и одновременно весьма концептуальные выводы-обобщения, которые убедительно подводят итог всей исследовательской работе над трудным с точки зрения сложного переплетения эссеистского (очеркового), мемуарного и художественного начал материалом.

На наш взгляд, диссертационное сочинение И.А.Кузьмина является сложившимся и завершенным научным исследованием, которое достойно заполняет имевшуюся до сих пор лауну в истории английской литературы первых десятилетий XX века. Диссертация и выводы автора достоверны и свидетельствуют о достаточной научной компетенции И.А.Кузьмина. Работа написана хорошим литературоведческим языком, оформлена в соответствии с требованиями, хотя в качестве замечания можно и нужно пожелать диссертанту более уважительного отношения к своим предшественникам, к трудам которых он обращается, и указывать инициалы перед фамилиями литературоведов и др. ученых.

Высказанные по ходу анализа работы замечания и соображения не умаляют качества диссертационного сочинения И.А.Кузьмина, обладающего историко-литературной новизной, литературно-теоретической и практической значимостью. **Результаты исследования**, введенный в научный оборот художественный и критический материалы могут быть **использованы** как при дальнейшей разработке проблем истории развития английской литературы и мировой и англоязычной мемуаристики, особенно – военной мемуаристики, так и при чтении вузовских историко-литературных и теоретико-литературных курсов. Диссертация И.А.Кузьмина является **самостоятельным, актуальным, аргументированным** исследованием, **новым** и важным для современного литературоведения.

Результаты диссертации апробированы в докладах на десяти международных конференциях. Выдвигаемые на защиту положения и основные идеи диссертации отражены в **автореферате и пяти научных работах**, из них - в четырех статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Диссертационное исследование **Кузьмина Ильи Андреевича** «Мир Востока в прозе Лоуренса Аравийского», представленное на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. – Литературы народов мира (филологические науки), **соответствует критериям** п. 9–11 и 13,14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Исследование представляет собой **научно-квалификационную работу**, в которой содержится **решение научной задачи** идейно-художественного и историко-литературного анализа книги мемуаров Т.Э.Лоуренса как цельности. **Значимость для филологической науки** полученных автором результатов связана с развитием таких ее областей, как история мировой и английской литературы, литературная жанрология, взаимодействие литературы с экстра-литературными факторами. Считаем, что автор диссертации **Кузьмин Илья Андреевич** заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2. – Литературы народов мира (филологические науки).

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором кафедры зарубежной филологии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» Проскурниным Борисом Михайловичем. Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры зарубежной филологии ФГАОУ ВО «Пермский государственный

национальный исследовательский университет», протокол № 2 от 19 марта 2026 года.

И.о. заведующего кафедрой зарубежной филологии
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»,
кандидат филологических наук, доцент

Хорошева Наталья Владимировна.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15, +7 242-2396290, info@psu.ru, http://www.psu.ru/

Даю согласие на обработку персональных данных Хорошева Н.В.

20.03.2026 2